

ПОЛИЛОГ РЕЛИГИИ, КУЛЬТУРЫ И ФИЛОСОФИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Ольга Пчелина

В статье рассматривается творческая деятельность Д.С. Мережковского (1865–1941), «литературного источника» эпохи «духовного перелома» (Н. Бердяев). Являясь одним из инициаторов отечественного символизма и будучи представителем русского религиозного ренессанса, Мережковский не ограничивал себя ни «символистскими», ни национальными рамками, всегда «претендуя на большее: на водительство, литературно-художественное, религиозно-философское, общественно-политическое» (М. Вишняк). Такого рода творческая установка изначально предполагала межкультурный подход, полилог религии, культуры и философии. Начав с обоснования «нового направления» в искусстве – символизма, «субъективно-художественной критики» в качестве метода философствования и поиска религиозного смысла культуры, Мережковский развивал темы сопряжения культуры и революции, противоречий культуры и цивилизации, «религиозной общности», необходимости религиозно-нравственного и культурного возрождения общества путем формирования Вселенской Церкви. Эти и другие темы сразу же включались им в широкий культурный и историко-философский контексты, что располагало Мережковского к более глубокому анализу и интерпретации. Представляется, что межкультурная философская позиция Мережковского сформировалась вследствие признания им уникальности и важности каждой философской системы и традиции, что позволило ему выйти в своем творчестве на качественно новый уровень философского диалогизма, который можно рассматривать как один из примеров интеркультурного полилога.

Ключевые слова: Мережковский, русский религиозный ренессанс, «собеседующее сомышление», многоголосие, межкультурная философия, полилог.

Поволжский государственный
технологический университет

The article is devoted to the analysis of the creative activity of Dmitry Merezhkovsky (1865–1941), the “literary source” of the time of the “spiritual turning point” (N. Berdyaev). It is pointed out that Merezhkovsky, being one of the initiators and theorists of Russian symbolism and a well-known representative of the Russian religious renaissance, did not want to limit himself to either “symbolist” or national frameworks, as he always “claimed more: leadership, literary and artistic, religious and philosophical, social and political” (M. Vishnyak). This kind of attitude to creative work initially assumed an intercultural approach, which obviously implied a polylogue of religion, culture and philosophy. Beginning with the justification of a “new direction” in art – symbolism, or “subjective-artistic criticism” regarded as a genuine method of philosophizing and searching for the religious meaning of culture, Merezhkovsky widely developed in his works the themes of the conjunction of culture and revolution, the contradictions of culture and civilization, “religious community”, the need for religious, moral and cultural revival of society by forming the Universal Church. These and other themes were immediately included by him in a wide cultural and historical-philosophical contexts, which enabled Merezhkovsky to make a deeper analysis and provide a more interesting interpretation. It is suggested that intercultural philosophical position of Merezhkovsky was formed as a result of his recognition of uniqueness and importance of each philosophical system and tradition. A conclusion is made that this helped the Russian thinker to reach an essentially new level of philosophical dialogism, which can be regarded as an example of intercultural polylogue.

Keywords: Merezhkovsky, Russian religious Renaissance, “conversational thinking”, polyphony, Intercultural philosophy, polylogue.

Прежде чем приступить к раскрытию заявленной темы, необходимо сделать небольшое вступление. Структуру и содержание нашей статьи определила статья А.В. Малинова «Философия полилога»¹. Какие именно положения публикации способствовали этому?

Приведу основные из них. «Полилог предполагает равноправие философских традиций, школ, направлений, признает разнообразие путей достижения истины, тесную связь философского мышления с тем типом культуры, общества и мировоззрения, которые его порождают». «Философия полилога должна... опираться на достижения различных философских школ, суммируя и развивая те идеи, которые были сформулированы в результате самостоятельного и добросовестного мышления», «философия может быть не только монологичной и диалогичной, но и многоголосной». Автор «Философии полилога» выделяет три детерминанты, в пределах которых действует мышление: культура, вера, общество и предлагает рассматривать различные философские традиции не в качестве конкурентов, а как равноправных собеседников, признать равноправие философских школ, эпох, мыслителей, осознавая «собеседующее сомышление» как новый интеллектуальный и культурный опыт, поскольку философский полилог стремится к реактуализации и домысливанию идей и концепций прошлого [5, с. 7–11]. Все это свидетельствует о том, что «настало время разработать новый тип философствования, основанный на взаимовлиянии философских культур и традиций» [7, с. 10].

Представляется, что вышеперечисленные положения во всей полноте соотносятся с творческим наследием одного из знаковых представителей эпохи русского символизма и религиозного ренессанса Дмитрия Сергеевича Мережковского.

Во-первых, обратим внимание на личность и творческий статус Мережковского. «Определите-ка его, кто он: критик, поэт, мистик, историк? То, другое и третье или ни то, ни другое, ни третье? Но тогда кто же он? Кто Мережковский?», – вопрошал Андрей Белый [11, с. 376].

Современники и последователи Мережковского характеризовали его как декадента, символиста, исторического романиста, публициста, оратора, драматурга, журналиста, переводчика, сценариста, художника, мыслителя, мистика, учителя, вождя, идеолога, религиозного философа, богоискателя, «страстного охотника за идеями», «философствующего литератора», «культурного себялюбца», «одинокое странника», «пленника культуры», «загадку, которая упала к нам из будущего», «пророка будущей культуры», «художника-мыслителя», занимавшегося проблемами тысячелетий. «Если бы я был философом, я постарался бы донести мысль до окончательной ясности... Но я не проповедую и не философствую... я только описываю свои последовательные внутренние переживания», – так объяснял свое творческое кредо Мережковский во введении к полному собранию его сочинений [24, с. 5].

О способности к интеркультурной коммуникации русского «европейца», «международного человека» по образованию и темам (В.В. Роза-

---

¹ В статье рассматривается интеркультурная философия, или философия полилога, представляющая альтернативу компаративистике [5].

нов) можно судить по многочисленным отзывам современников, в частности М.М. Пришвина, отмечавшего, что «Мережковский – европеец, воспитанный человек в том лучшем образе, в каком мы представляем себе иностранца» [2, с. 88]. Известно, что книги Мережковского «в разных переводах можно было найти в любом книжном магазине любой страны Европы», а «в Англии, Франции и Германии имя Мережковского произносилось с почтением наряду с именами Чехова и Горького» (перевод мой. – О.П.)¹ [10, с. 125].

Т. Манн, знакомый с работами Мережковского, разглядел в нем «гениальнейшего критика и мирового психолога после Ницше» [6, с. 238]. З. Фрейд высказывался о глубоком влиянии Мережковского на свое учение в книге «Леонардо да Винчи и память его детства», а К.Г. Юнг – о влиянии идей Мережковского на формирование своих воззрений². Итогом знакомства Мережковского и Мёллера ван ден Брука³ стали публикация статьи А. Мёллера «Толстой, Достоевский и Мережковский» (1904) и совместный проект – издание первого полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского на немецком языке (со вступительными статьями Мережковского в качестве предисловия). Ю. Леман в книге «Русская литература в Германии. Восприятие русской литературы в художественном творчестве и литературной критике немецкоязычных писателей с XVIII века до настоящего времени»⁴ называет Мережковского «одним из важнейших посредников между немецким обществом и русской культурой» и подтверждает интенсивность рецепции его идей в произведениях Гофманстала, Бара, Гессе и многих других известных авторов [4, с. 48].

Таким образом, Мережковский действительно являет собой особый, «интеркультурный» тип личности.

Во-вторых, это творческие методы, формы и авторские стратегии Мережковского. О масштабе фигуры Мережковского свидетельствуют не только творческая «многожанровость», но и его способность синтеза «философских культур и традиций», способность «домысливать идеи и концепции прошлого» и создавать проекты. Вовсе не случайно Н.А. Бердяев называл Мережковского «художником-мыслителем», занимавшимся проблемами тысячелетий, акцентировал внимание на связи писательского дара и философского миропонимания. За Мережковским закрепилась репутация человека, «объехавшего весь мир и прочитавшего всех классиков» [3, с. 127]. «Все его творчество – медленное прорастание в глубинные и плодоносные пласты Истории: Россия Александра, Павла, Петра, Ита-

---

¹ В оригинале: «In England, France and Germany, Merezhkovsky was spoken of the one breath with Chekhov and Gor'ky».

² Главный редактор издательства «Мусагет» Э.К. Метнер свидетельствовал, что «в библиотеке Юнга имеется и вся трилогия “Христос и Антихрист”, а также работы Мережковского о Наполеоне, Толстом и Достоевском» [9].

³ Встреча А. Мёллера (автора знаменитой работы «Das Dritte Reich») с Мережковским состоялась вследствие увлеченности немецкого мыслителя творчеством Достоевского, с которым он познакомился через книгу Мережковского «Л. Толстой и Достоевский».

⁴ Опубликовано в 2015 г., в русском переводе вышла в 2018 г.

лия Леонардо, Эпоха Апостата, теперь – Эгейская культура и далее – Египет, Вавилон. Для него познание прошлого – реальное общение в духе и лестница посвящений», – полагал Н. Бахтин [1, с. 362]. Называя идеи Мережковского «экспортом новых течений», современники признавали его умение «творить культуру», «освещать своим мирозерцанием все – науку, жизнь, искусство». Становится понятным потребность Андрея Белого придумать для деятельности Мережковского какую-то еще «не проявившуюся в нашу эпоху» форму творчества [11, с. 381].

Метод «субъективной критики»¹, который Мережковский противопоставлял критике научной, использовался им с единственной «откровенно субъективной» целью – «показать за книгой живую душу писателя – своеобразную, единственную, никогда более не повторяющуюся форму бытия», изобразить действие этой души на «ум, волю, сердце, на всю внутреннюю жизнь критика», суметь найти «неожиданное в знакомом, свое в чужом, новое в старом», по-новому открыть для себя «великих незнакомцев», «объяснить» великих писателей прошлого «в своем свете, в своем духе, под своим углом зрения», сделать частью своей души этих «верных друзей, тихих спутников жизни», органично вписать своих собеседников в контекст современности [20, с. 353]. «Вечные спутники»² Мережковского – это «многоголосие» равноправных собеседников, блестящий пример «собеседующего сомышления».

Обращаясь к творчеству «великих», Мережковский отыскивает источники идей, отмечает особые исторические события, обращает внимание на мельчайшие детали и нюансы, «эстетические подробности»: вкусы, взгляды, специфику культуры, философию, мировоззрение, при этом всегда акцентируя внимание на продуктивности исторической и временной дистанции. Несмотря на то, что критика обвиняли во «власти цитат», в присвоении «чужого», в стремлении показать себя через великих людей, его метод «субъективно-художественной» критики был признан «типом критики философской и даже религиозно-философской», «характерным русским явлением» [13, с. 306–307].

С помощью метода «комментированного чтения» исторических текстов Мережковский выражал собственные религиозные и философские взгляды. Напомним, что великолепное знание древних и современных языков позволяло ему работать с оригиналами, быть свободным от чужой интерпретации, а также заниматься переводами Эсхила, Софокла, Еврипида. Работая с тестами, он выискивал «звенья цепи», соединявшие

---

¹ Речь идет о методе субъективной критики, специфика и необходимость которой были обоснованы Мережковским в работе «О причинах упадка и о новых течениях русской литературы» (1893).

² Сборник «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы» (1897) – это цикл статей (в том числе «Акрополь», «Трагедия целомудрия и сладострастия» (об «Антигоне» Софокла)) и литературных портретов (Марка Аврелия, Плиния Младшего, Кальдерона, Сервантеса, Гете, Монтеня, Флобера, Ибсена, Достоевского, Гончарова, Тургенева, Майкова, Пушкина). Сборник выдержал несколько изданий еще при жизни автора, его вручали гимназистам при успешном окончании гимназии.

«века, культуры и религии»: «...взоры людей невольно обращаются назад, к великим произведениям древности, со смутной надеждой найти в них отзвуки наших дней» [26, с. 359]. Опираясь на опыт великих культур, религиозный мыслитель выстраивал исторические параллели, выискивал аналогии, анализировал взаимосвязь различных культур и цивилизаций в надежде понимания современных общественных процессов, искал возможность проецирования богатого исторического опыта на современную культурную ситуацию и прогнозирования будущего. Согласно Мережковскому, «всякое общество зиждется на... воле к добру, бытию, созиданию» и «от начала времен путь человечества есть путь к божественному Обществу, Царству Божьему» [25, с. 125; 22, с. 286]. Тезисом «в прошлом я ищущий будущее» мыслитель выразил понимание всей истории человечества как стремления к достижению единой цели – построения Божественного Общества, Третьего Завета, Царства Духа с идеалом «Святой плоти».

Как видим, идея признания равноправия философских школ, эпох, мыслителей, осознания «собеседующего сомышления» как нового Интеллектуального и культурного опыта, способность реактуализировать и домысливать идеи и концепции прошлого – все это без исключения имеет отношение к Мережковскому и основным концептам его творчества.

Религия

«Ум отвергает, сердце ищет Бога» [19, с. 39]. Уже в своих самых ранних сочинениях и критических очерках Мережковский противопоставляет «беспредельную умственную независимость», которую жаждало человечество, «святости нескончаемого незнания», которое таится в нравственной природе человека. Согласно Мережковскому, вера – это чувство (сердце), совесть и воля, а знание – это сознание, ум, *intellectus*; при этом «ум часто блуждает», в то время как сердце и совесть «почти всегда на правом пути» [19, с. 40]. Разница между верой и сознанием веры принципиальна для Мережковского: «Не все, кто думает верить, – верит; и не все, кто думает не верить, – не верит» [19, с. 38]. Вера человека связана с его волей, причем с волей «всемогущей», которая «сама есть чудо», это вера в чудо Воскресения Христова и в чудо воскресения России. Следуя в русле размышлений средневековых философов, понимая знание как «великий дар Божий», Мережковский предупреждал о том, что если научное творчество строится на бездуховной основе, наука превращается в «ученое невежество», «научные изобретения, чудеса механики» – в «чудеса дьявола», а сам творец – в «ученого троглодита с чудесами дьявола – самого дикого из дикарей» [25, с. 67].

Изучая различные исторические эпохи, Мережковский заметил, что сомнения в «благах» цивилизации наметились еще с древнейших времен: сравнивая эпоху римского императора Марка Аврелия с концом XIX в., подчеркивая внешнее и внутреннее соответствие исторических периодов, он пришел к заключению, что «внешнее счастье» в виде просвещения и материального довольства не доставили людям ни душевного спокойствия, ни удовлетворения, не избавили от социального напряжения и тревожных состояний. «Мы гордимся нашими знаниями и теряем

образ человеческий, становимся подобными варварами среди унылой и нелепой роскоши, среди грандиозных изобретений современной техники», – писал мыслитель [18, с. 358]. Сопоставляя современные ему события с теми, что происходили в разные исторические эпохи, Мережковский пришел к выводу, что гибель таких великих цивилизаций, как ассирийско-вавилонская, римская и эллинистическая, была связана с умалением религиозного начала культуры и стремлением к «дурной бесконечности». «Религия есть... то, что связывает, скрепляет людей в общество», если вынуть из него эту скрепу, то оно распадается, из живого тела становится мертвою «массою» [25, с. 59].

Путь религиозного преображения Мережковский рассматривал как путь спасения человечества. Разделяя мысли П.Я. Чаадаева об историческом предназначении России, о вселенской богочеловеческой культуре, о религиозном призвании и великой духовной будущности России, о ее способности «решить все вопросы, о которых спорит Европа», он выступал против высокомерного презрения к «безбожному, гнилому Западу» и утверждения России как единственного народа-богоносца, не выделял превосходство России над другими народами, а видел преимущество в том, что путь России совпадал с путем объединения человечества.

Мережковский предложил религиозный «проект» будущего – «Третий Завет» с идеалом «Святой Плоти»¹ как символа личности, культуры и общества. Он отстаивал необходимость культурного, религиозно-нравственного возрождения общества путем формирования Вселенской Церкви. Воспринимая Россию и Европу как целое, культуру – как всемирную, а церковь – как единую для всех, Мережковский мечтал о духовно-нравственном перерождении, едином всечеловеческом союзе – «Церкви Христовой Вселенской», о Третьем Завете, в котором «соединится Третья Россия с Третьей Европой» [27, с. 29].

Культура

«Культуру должно определить как взаимодействие целых поколений для достижения единой бескорыстной, идеальной цели... *цели мистической, религиозной*» [21, с. 173–174]. Мережковский указывает на присутствие в слове «культура» древнего латинского корня «cultus» – почитание богов, уточняя, что связь человеческого сердца с божественным началом мира есть то духовное, бескорыстное «зерно», которое объединяет все исторические культуры [21, с. 174]. С позиции интерпретации Мережковским культуры как пути религиозного преображения личности можно заметить, что культура стала новой фазой в судьбе всего человечества, на которой возможно достижение подлинного бытия.

Уникальность и ценность каждой национальной культуры для Мережковского несомненна. Культура уже потому является великой, что в ней выражается «гений народа», а гении «живут, идут за нами, как буд-

---

¹ Этот идеал Мережковский рассматривал как символическое понятие, олицетворяющее собой землю, общество, культуру, и акцентировал внимание на том, что «дух и плоть могут, и должны сосуществовать в органическом единстве, но... дух должен быть освящен плотью; плоть должна быть оправдана духом».

то провожают нас к таинственной цели; они продолжают любить и страдать в наших сердцах, как часть нашей собственной души, вечно изменяясь, вечно сохраняя кровную связь с человеческим духом. Для каждого народа они – родные, для каждого времени – современники, и даже более – предвестники будущего» [20, с. 353].

Как видим, творческий путь Мережковского был изначально ориентирован на умение слушать и слышать «чужого», на уважении и понимании ценности каждой культуры, на способности выходить «за границы» собственных представлений и расширять горизонты культурфилософской рефлексии. Более того, его излюбленная триада «тезис–антитезис–синтез» и извечное стремление к синтезу, к троичности, к Третьему открывали широкие возможности для построения новых (чаще утопических) проектов, альтернативных концепций и сценариев будущей культуры и будущего общества.

Философия

«Могу сказать по совести: все, что я говорю и думаю по вопросам религиозным, идет не от книг, не от чужих мыслей, а от моей собственной жизни, – все это я пережил» [17, с. 321]. Подчеркивая главенствующую роль Мережковского в проявлении «религиозного беспокойства и религиозного искания», Н.А. Бердяев обратил внимание и на философичность творческих поисков современника, его дар создавать оригинальные религиозно-художественные концепции [12, с. 228–229]. Специфика творчества представителей русского религиозного ренессанса, согласно Бердяеву, проявилась в «переходах» за границы философского познания в философии, за границы искусства в поэзии, за границы политики в направлении эсхатологической перспективы, в русле которых и разрабатывались оригинальные культурфилософские концепции и системы. Каким образом эти «переходы» реализовались у Мережковского?

Первое направление, связанное с переходом «за границы искусства» в поэзии, соотносится с «новым искусством» – символическим, с тем переворотом, который «вернет искусство к религии», ибо религия есть отчизна искусства, «голова» культуры, ее начало: без религии не бывает культуры и со временем культура «не вытеснит, а лишь *заменит* собою религию, займет ее место, то есть она сама станет *религией*» [19, с. 86].

Второе – переход за «границы философского познания» – иллюстрирует призыв Мережковского перейти «от великого созерцания к великому действию» и шире – от создания символических форм и «нового искусства» к созданию культуротворческих проектов, охватывающих все сферы бытия человека.

Третье направление, связанное с «границами политики в направлении эсхатологической перспективы», пересекается с эсхатологической темой – идеей конца, которая «сделалась основной религиозной идеей Мережковского, и свою концепцию христианства он называет апокалиптической, противопоставляя ее христианству историческому»¹ [12, с. 247].

---

¹ Понимание неполноты, исчерпанности исторического христианства, убеждение в том, что в нем не осталось воды, чтобы «утолить социальную жажду», что

Как известно, Мережковский не только развивал философские, культурологические и религиозные идеи, но и творчески переосмыслял общественные настроения, стремился выразить то мировоззрение, которое преобладало в общественной и культурной жизни России. Необходимо отметить религиозно-философские собрания в Санкт-Петербурге (1901–1903), которые были откликом на интерес общества к религиозным темам. Собрания задумывались как встреча-диалог духовенства и интеллигенции по вопросам веры и общественных проблем. Для представителей духовенства это был своего рода путь к единству, чтобы этим «единством» можно было вместе жить и работать на «общерусскую пользу» [16, с. 4]. Оценивая своевременность «вопросаний» религиозно-философских собраний, Бердяев и здесь отмечал главную роль Мережковского, «выступавшего со стороны светской культуры» [14, с. 196]. Собрания – это общественное событие всероссийского масштаба, что позволяет признать Мережковского ключевой фигурой «духовно-культурного ренессанса» и религиозным философом [14, с. 196]. В контексте же рассматриваемого нами вопроса это еще одно подтверждение того, что творческое наследие Мережковского являет собой синтез философии, культуры и религии, новый тип философствования, демонстрирующий равноправие философских традиций, школ, направлений и признающий разнообразие путей достижения истины. Творчество Мережковского раскрывает, опираясь на достижения различных философских школ, тесную связь философского мышления с типами культуры, общества и мировоззрения.

В 2020 г. исполнилось 155 лет со дня рождения Мережковского, в связи с чем уместно процитировать современников юбиляра: Н.А. Бердяева, который оценил «гениальность» «великих и вселенских», «самых нужных» для человечества религиозных тем, поднятых Мережковским; П.Б. Струве, назвавшего идеи Мережковского «далеко заброшенным идейным якорем»; А.А. Блока, написавшего следующее: «Идея его – такая огромная идея, что заранее можно сказать, не вынесет он ее... сторит, но нам в наследство ту же великую думу оставит» [15, с. 208]. Согласимся и с мнением философов и историков русского зарубежья Г.П. Струве, В.Н. Ильина, Н.О. Лосского, В.В. Зеньковского С.А. Левицкого, которые дали высокую оценку литературно-художественным, общественно-политическим, религиозно-философским идеям Мережковского, подчеркнув их практическую направленность [8].

Возвращаясь к тезисам А.В. Малинова о том, что «философия может быть... многоголосной» и что «история европейской философии не знает равенства», сделаем небольшое уточнение. В многоголосии различают *гомофонию* и *полифонию* в зависимости от соотношения голосов. Евро-

---

историческое христианство не вмещает всей полноты христианской истины, привело Мережковского к идее «Третьего откровения». Как на слабую сторону «исторической церкви» он указывал на понимание христианства с точки зрения религии личной, которая не могла гарантировать общественного спасения, что также обуславливало необходимость перехода от исторического христианства к эсхатологическому.

пейская философия, судя по всему, предпочла первый путь – гомофонный тип многоголосия, характеризующийся разделением голосов на главный и сопровождающие, и этот тип принципиально отличается от второго типа многоголосия – полифонии, основывающейся на равноправии голосов, которому и следовал Мережковский, предвосхитив полифонизм М.М. Бахтина, в духе мессианской идеи «не над всеми возвыситься, а чтобы послужить всем!».

Литература

Исследования

1. *Бахтин Н.М.* Мережковский и история // Д.С. Мережковский: pro et contra. Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников. СПб.: РХГИ, 2001. С. 362–364.
2. *Зобнин Ю.В.* Дмитрий Мережковский: жизнь и деяния М.: Молодая гвардия, 2008.
3. *Измайлов А.* Пророк безблагодатных дней (Д.С. Мережковский) // Измайлов А. Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья. М.: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1913. С. 123–146.
4. *Леман Ю.* Русская литература в Германии. Восприятие русской литературы в художественном творчестве и литературной критике немецкоязычных писателей с XVIII века до настоящего времени. М.: ЯСК, 2018.
5. *Малинов А.В.* Философия полилога // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2017. № 1. С. 7–11.
6. *Мани Т.* Художник и общество: Статьи и письма. М.: Радуга, 1986.
7. *Назарова О.А.* Концепция интеркультурной философии и ее возможная рецепция в контексте исследования русской философии // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2016. Вып. 20. С. 7–18.
8. Писатели и критики русской эмиграции о Д.С. Мережковском // Д.С. Мережковский: pro et contra. Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников. СПб.: РХГИ, 2001. С. 560–564.
9. *Рычков А.Л.* Д.С. Мережковский и К. Юнг: «встреча во гнозисе». Свидетельство Э.К. Метнера // Судьбы литературы Серебряного века и русского зарубежья. Традиции и трансформации. СПб.: Петрополис, 2010. С. 491–511.
10. *Рутан А.* A History of Russian symbolism. Cambridge University Press, Cambridge, 1994.

Источники

11. *Белый А.* Мережковский // Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 375–382.
12. *Бердяев Н.А.* О новом религиозном сознании // Бердяев Н.А. О русских классиках. М.: Высшая школа, 1993. С. 224–253.
13. *Бердяев Н.А.* Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал «Путь». К десятилетию пути // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры, искусства. В 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 1994. С. 301–322.
14. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. М.: ЗАО «Сварог и К», 1997. С. 4–220.

15. Блок А.А. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 5. М.; Л.: Художественная литература, 1992.
16. Вступительная речь Преосвященного Сергия, епископа Ямбургского // Записки Петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.) / Общ. ред. С.М. Половинкина. М.: Республика, 2005. С. 4.
17. Мережковский Д.С. Автобиографическая заметка // Мережковский Д.С. Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. М.: Кн. Палата, 1991. С. 317–322.
18. Мережковский Д.С. Акрополь // Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. С. 354–358.
19. Мережковский Д.С. Больная Россия. Л.: ЛГУ, 1991.
20. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995.
21. Мережковский Д.С. Мистическое движение нашего века // Мережковский Д.С. Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. М.: Кн. Палата, 1991. С. 172–178.
22. Мережковский Д.С. Наш путь в Россию: непримиримость или соглашательство? // Мережковский Д.С. Царство Антихриста: статьи периода эмиграции. СПб.: РХГИ, 2001. С. 270–311.
23. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб.: Наука, 2007. С. 428–502.
24. Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений в 24 т. Т. 1: Смерть богов: (Юлиан Отступник). М.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1914.
25. Мережковский Д.С. Тайна Трех. Египет–Вавилон. М.: ЭКСМО–Пресс, 2001.
26. Мережковский Д.С. Трагедия целомудрия и сладострастия // Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. С. 358–361.
27. Мережковский Д.С. Царство Антихриста: статьи периода эмиграции. СПб.: РХГИ, 2001.

Pchelina, Olga V. *Polylogue of religion, culture and philosophy: interpretation by D.S. Merezhkovsky*

References

1. Bakhtin, N.M. (2001), Merezhkovskiy i istoriya [Merezhkovsky and history], in: *D.S. Merezhkovsky: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Dmitriya Merezhkovskogo v otsenke sovremennikov* [D.S. Merezhkovsky: pro et contra. Personality and creativity of Dmitry Merezhkovsky in the assessment of his contemporaries], RChHI, St. Petersburg, pp. 362–364.
2. Zobnin, Yu.V. (2008), *Dmitriy Merezhkovskiy: zhizn' i deyaniya* [Dmitry Merezhkovsky: life and deeds], Molodaya gvardiya, Moscow.
3. Izmailov, A. (1913), Prorok bezblagodatnykh dney (D.S. Merezhkovskiy) [A prophet of the ungrateful days (D.S. Merezhkovsky)], in: Izmailov, A., *Pyostrye znamyona: Literaturnye portrety bezvremeniya* [Motley banners: Literary portraits of the timelessness], I.D. Sytin and Co., Moscow, pp.123–146.

4. Lehmann, J. (2018), *Russkaya literatura v Germanii. Vospriyatie russkoy literatury v hudozhestvennom tvorchestve i literaturnoy kritike nemetskoazychnykh pisateley s XVIII veka do nastoyashchego vremeni* [Russian literature in Germany. Perception of Russian literature in the artistic creativity and literary criticism of German-speaking writers from the 18th century to the present], YASK, Moscow.
5. Malinov, A.V. (2017), *Filosofskiy polilog* [Philosophical polylogue], in: *Filosofskiy polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii* [Philosophical Polylogue: Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy], no. 1, pp. 7–11.
6. Mann, T. (1986) *Khudozhnik i obshchestvo: Statyi i pisma* [Artist and society: articles and letters], Raduga, Moscow.
7. Nazarova, O.A. (2016), *Kontseptsiya interkulturnoy filosofii i ee vozmozhnaya retseptsiya v kontekste issledovaniya russkoy filosofii* [Concept of intercultural philosophy and its possible reception in the context of the study of Russian philosophy], in: *Mysl: Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva* [Thought: Journal of the St. Petersburg Philosophical Society], no. 20, pp. 7–18.
8. Pisateli i kritiki russkoy emigratsii o D.S. Merezhkovskom [Russian emigrant writers and critics about D. S. Merezhkovsky] (2001), in: *D.S. Merezhkovsky: pro et contra. Lichnost i tvorchestvo Dmitriya Merezhkovskogo v otsenke sovremennikov*. [Personality and creativity of Dmitry Merezhkovsky in the assessment of contemporaries], RChHU, St. Petersburg, pp. 560–564.
9. Rychkov, A.L. (2010), *D.S. Merezhkovskiy i K. Yung: "Vstrecha vo gnosize": Svidetelstvo E.K. Metnera* [D.S. Merezhkovsky and K. Jung: "Meeting in gnosis": Testimony of E.K. Medtner], in: *Sudby literatury Serebryanogo veka i russkogo zarubezhya. Traditsii i transformatsii* [Fates of the literature of the Silver Age and the Russian diaspora. Traditions and transformations], Petropolis, St. Petersburg, pp. 491–511.
10. Pyman, A. (1994), *A History of Russian symbolism*, Cambridge University Press, Cambridge.